

Потом началась взрослая жизнь. А попробуй ее нормально начать с «волчьим билетом» после школы, с мед. карточкой, в которой отметка о психдиспансере! Вакуум общения оборачивался вакуумом с деньгами. Некого было просить устроить его хоть на какую-то заваливающую работенку «по блату», не было друзей, которые бы свистнули, где появилось хорошее местечко! Он остро завидовал сверстникам, которых родители быстренько пристроили в вузы, на престижные места на предприятиях. А его - при его-то росте и физических данных - даже в армию не брали! Весь мир, все окружающие его люди были против него... Каждый день - маленькая война. Каждый день доказывать - уже не им, а самому себе, что ты нужен, что ты можешь, что ты справишься и без них. Куда идти работать? Как прокормить себя и мать, которая совсем спилась, опустилась, и от бесконечных пьянок была похожа сейчас на грязную, сморщенную обезьяну? Он все хотел спросить ее: ну где же все эти твои «дяди»? почему никого из них нет с тобой? Мать бол!

ьше не смеялась глупым блядским смехом, ее глаза давно уже не загорались тем масляным блеском, который тогда, у него, еще мальчишки, вызывал и восхищение, и отвращение... Не было у матери больше ярко покрашенных губ - никакой красоты не осталось у нее, чтобы подчеркнуть ее всей своей кричаще-яркой косметикой.

Все чаще эта... уже не женщина, почти существо - плакала о своей жизни. То просила прощения у него, а то сыпала пьяными упреками, что он - плохой сын и должен лучше заботиться о матери, которая дала ему жизнь... Первое время от этих истерик он просто сходил с ума. Ему хотелось одним ударом заткнуть эту кричащую обезьяну, заткнуть ей рот, ИЗБАВИТЬСЯ от нее... Но он НЕ МОГ... Это ведь была ЕГО мама... Ради которой он тогда бесстрашно всадил шило в бедро этого «плохого дяди»... А может, просто от того, что это единственное, что у него было:

Вскорости он привык к материным пьяным истерикам... И научился снимать напряжение. Когда от злости все краснело перед глазами, и он снова чувствовал, что еще минута - и он убьет ее, - он выходил из дома и...

Каждый раз напряжение он сбрасывал по-разному. Бывало, что заходил в ближайший к дому скверик, садился на лавочку, закрывал глаза и дышал, с каждым выдохом стараясь выгнать из себя дикую агрессию, которая требовала выхода совсем другого, чем это дыхание. Иногда, если подворачивалась возможность, он избивал кого-нибудь, а иногда пешком шел в другой район города...

Район он специально выбрал самый захолустный. Здесь были бараки, выстроенные для семей рабочих, старые «хрущи», много темных запущенных дворики. В этом районе девушки были попроще, чем у него в школе, и без запросов, а с местной гопотой можно было биться целыми сутками, сбрасывая на них желание ударить. Покалечить. Убить.

А еще тут не было соседей-сплетников, шепота за спиной, нарочитого молчания. Было и еще одно преимущество. Здешние простоватые девушки с восхищением смотрели на его крупную фигуру. Ими он пользовался, как лучшим антистрессом. Да, у него не было друзей, которые бы научили его обращаться с женщинами. Он действовал по наитию, да еще прочитав какую-то дурацкую советскую, затрепанную книжку про секс, которую нашел у матери в тумбочке. Он быстро научился обращаться с женскими телами, лишил девственности чуть ли

не половину барачного района и, в общем, все было ничего.

Иногда, для того, чтобы успокоиться, ему требовалось больше, чем просто секс. Он искал **НАСТОЯЩЕЕ**. Когда он видел тупое, похотливое выражение лиц этих простеньких девок, с готовностью стонущих под ним, он не мог удовлетвориться до конца. Ни одна из них, какой бы ни был размер ее груди, как бы страстно она не обхватывала его ногами, не была похожа на ту девочку, его соседку, которую он видел в том подвале... Тело той было худеньким, не обладало особыми формами, но она вся тогда словно светилась. Даже в той грязи, на засаленном старом диване, с раскинутыми ногами и щелкой, которая принимала троих мужиков, она оставалась какой-то... чистой. **НАСТОЯЩЕЙ**. Не то, что эти похотливые животные. В них он начинал будто снова видеть... свою мать. Она-то была такая же, как они: животное, готовое ради очередного члена забыть о собственном ребенке. Когда он представлял на месте девок свою мать, его руки буквально впивались в их тело, он грубо мямл груди, он оставлял синяки на бедрах, он долбил!

их во все отверстия с такой силой, на которую только был способен. Он брал их за волосы и одевал головой на член, заставляя задыхаться. Он без всякой подготовки до упора врывается членом в задницу, не обращая внимания на слезы, протесты и крики. Он словно спрашивал их всех: Ну что? Хватит? Теперь-то вам хватит?! Теперь-то вы забудете о своей грязной похоти?!!!

Но ни одна из этих его девушек ни разу не высказала ему никакой претензии. Более того, о нем буквально ходили легенды. Ему казалось, чем грубее он обращается с их телами, тем больше им это нравится! Они стонут и плачут, а потом оказывается, что сами этого хотели! Они все - просто шлюхи, думал он. Только такого обращения они и достойны.

Ему нравилось смотреть, как они задыхаются, когда он загоняет в их рот член. Как ему хотелось задержать его там подольше! Увидеть, как голая девушка дергается, стонет, начинает умирать. Как дергалась и умирала бы его мать.

Несколько раз в том барачном районе пропадали студентки ближайшего ПТУ. Не нашли ни их, ни убийцу. Кому бы пришло в голову, что пропасть они могли по вине "первого парня на деревне", главного "секс-символа" барачного района.

Он вспомнил начало. После очередной истерики матери он идет по лесу недалеко от танцплощадки. Поздно, танцы уже закончились и только кое-где сидят пьяные компании. Проходя мимо одной из них, он услышал смешки в свой адрес. Темная, черная волна накатила на него. Как в тот раз, когда он выкальвал глаз своему обидчику. Ведь тогда он очень хорошо понимал, что уродует его навсегда. В этом состоянии он смотрел на себя как бы со стороны. Тело действовало само, а он подсказывал ему, как и что надо делать с наибольшей эффективностью. В какой-то дешевой фантастической книжке без начала и конца он прочел название "боевой транс". Да, пожалуй, это термин точно определял сейчас его состояние. Он подошел к сидевшим на бревне парням и девушкам. Так, трое парней. Две девки не в счет. Один здоровый, наверно, заводила. Остальные при нем.

Он встал перед ними: Если бы не алкоголь, парни почувствовали бы, что перед ними совсем не то приключение, которого они хотели. **НО:** Здоровяк неторопливо встал и, поигрывая мышцами, толкнул его в грудь. Дальше калейдоскоп: Вот он бьет обидчика ногой в пах: поднимает его голову за волосы и бьет пальцами в глаза: На него наваливается кто-то сзади, но он сбрасывает его с себя на землю, хватая за волосы и со всего размаха бьет головой о стоящий бетонный столб освещения. С неприятным хрустом человек падает: Одна из девок

начинает визжать: Какой раздражающий звук: Он вообще не любит громких звуков: Взмах руки и звук переходит в тихий вой с бульканьем. Третий парень пытается убежать. Он догоняет его в два прыжка разворачивает к себе и начинает душить: Откуда столько сил? Он практически поднял несчастного над землей.

Из мутнеющих глаз вытекают липкие волны страха: да: да: он ждет их. . да: Между ног у парня растекается некрасивое пятно: Вдруг сзади тихий женский голос "Не надо:" Как ушат воды. Он отпускает парня и резко разворачивается. Дрожащая тварь, когда-то считавшая себя "мужчиной" с хрипами пытается уползти на него на карачках. Но это его уже не волнует. Перед ним вторая девушка. Она покорно смотрит на него. Что ж, это его добыча. Оба это понимают. Девушка встает перед ним на колени и достает его напряженный член. Над ним еще в школе посмеивались за его размер. Он был: скажем так, большой. Тихий возглас "раздевайся" и неподвижный взгляд холодных бездонных глаз, в которых была Смерть, заставляют девушку сорвать с себя немудрящую одежду. С тихим взвизгом она принимает его: От нервного напряжения он очень долго не мог кончить. Вместе со струями спермы, заливающее изнутри это маленькое тельце, из него выплескивалась его чернота. Это принесло хоть временное, но облегчение:

Потом он много раз брал эту девушку. Обычно он встречал ее около дома и, ни слова не говоря, вел в подвал или в другое уединенное место. Поскольку ему не нравилась, что она одета, она мгновенно раздевалась и покорно ждала его действий. Иногда он ложился на спину и тогда она пыталась рязрядить его сама при помощи рта или щелки. А иногда он с рычанием врвался в нее: Он стал экспериментировать: То сжимая иногда ее горло, то связывая ее накрепко и пользуя ее. Она превратилась в безмолвный сосуд для его спермы. Закончилось это, когда однажды он сидел в злополучном лесопарке. Он увидел ее и, как обычно, утащил в лес. Никто не видел их и не знал, что они встретились. Просто он слишком сильно сжал ее горло и его игрушка: сломалась:

Наверное, он никогда не забудет ее просветленный взгляд в этот момент и неожиданно сильное сжатие уже основательно разработанного им влагалища. Когда он понял, что она мертва, он вырыл яму ножом, постоянно находившимся при нем, и закопал ее. После ее исчезновения ее семья уехала в другой город, но джин был уже выпущен из бутылки.

Но даже эта его тайна не могла остудить главное желание - найти СВОЮ девочку. Не такую, как все они. А похожую на ту соседку... С ней бы все было по-особому. Ей бы он дал гораздо больше, чем этим блядам, которые хотят его даже когда он собирается их убить. В точности, как мамаша, терпевшая удары того дяди.

Он искал свою девочку, заглядывал в лица прохожих девчонок на улице и в транспорте, подолгу смотрел в горящие вечерние окна, гулял по людным местам. Но никак не мог найти...